

А. А. МИХАЙЛОВ,

заведующий кафедрой истории СПбГУП, доктор исторических наук, профессор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА КАК ЦЕНТРЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ЕДИНСТВО

Вопрос о влиянии на судьбы России Петербурга и Москвы, о споре или даже духовной конфронтации двух столиц имеет почти трехвековую историческую традицию и буквально необозримую историографию. К этому вопросу обращались в различное время практически все отечественные литераторы, философы, историки, публицисты. По точному наблюдению современного исследователя С. Б. Смирнова, Петербургу и Москве в дискуссиях об историческом развитии России выпала роль «воплощений и символов противоречивости русской жизни»¹.

Однако наряду с противоречиями в исторической судьбе двух столиц присутствовало и явное единство. Не случайно Д. С. Лихачев, полушутя-полусерьезно, писал о возможном слиянии Петербурга и Москвы: «...Учреж-

дения культуры будут <...> связаны между собой скоростной трассой различных типов, способов передвижения (автомобиль, однорельсовая дорога, электричка скоростного типа и пр.) <...>. Ленинград и Москва сохраняют свои названия, а в целом их соединение носит название Москволенинград. Фантазия? Может быть...»² Впрочем, об объединении Петербурга и Москвы некоторые авторы рассуждали задолго до Д. С. Лихачева (например поэт В. Ф. Одоевский в своих «Петербургских письмах»³).

Показательно, однако, что «центром» взаимного притяжения городов могут стать именно «учреждения культуры», как считал Д. С. Лихачев. Разумеется, столичные функции Москвы и Петербурга уже сами по себе «поднимали» их над другими городами стра-

¹ Вопросы планировки и застройки Ленинграда. Л., 1955. С. 46.

² ЦГА НТД, ф. 389, оп. 1–4, д. 111, л. 72.

³ Там же, д. 145, л. 68.

⁴ Ленинградская правда. 1955. 13 нояб.

⁵ ЦГА НТД, ф. 389, оп. 1–4, д. 145, л. 114–115.

¹ Смирнов С. Б. Петербург–Москва: сумма истории. СПб., 2000.

² Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 340.

³ Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма // Последний квартет Бетховена. М., 1982. С. 275–276.

ны в административном, политическом и экономическом отношении, но одновременно оба они являлись крупнейшими культурными центрами и, в частности, центрами образования. Как «первенствующие» города державы Петербург и Москва не просто обладали наибольшим числом учебных заведений, но концентрировали в себе лучшие педагогические силы, первыми усваивали новаторские педагогические идеи. В то же время именно учебные заведения Петербурга и Москвы в наибольшей мере подвергались контролю и воздействию государственной власти, наиболее ярко отражали в своей истории колебания внутривластного курса правительства. В силу данного обстоятельства в Петербурге и Москве возникало наибольшее напряжение между официальным и общественным направлением в педагогике.

Сегодня нет недостатка в научных трудах, посвященных учебным заведениям (или целым типам таковых) в Петербурге и Москве, а также развитию в них педагогической мысли. Однако зачастую история школы рассматривается изолированно от той специфической городской среды, в которой эта школа действовала. Это фиксирует, например, В. В. Криличевский, отмечая, что «условия развития системы образования сверхкрупного города на системном уровне ранее вообще не исследовались»⁴. Между тем, бесспорно, любой крупный город обладает набором характеристик, влияющих на специфику сложившейся в нем системы образования. Это демографические, социально-политические, этноконфессиональные и многие другие реалии жизни города, особенности мироощущения горожан, их запросы к системе образования и др. Данные компоненты составляют образовательную среду города, которая всегда отличается определенным своеобразием. Однако среди специфических черт образовательной среды таких крупных городов, как Петербург и Москва присутствуют не только реальные особенности, но и разнообразные мифы, порожденные общественным сознанием.

Не подлежит сомнению, что уже при основании Петербурга Петр I видел в нем не только столицу будущей империи, но и крупнейший центр просвещения. Не случайно именно в Петербурге открываются многие важнейшие, с точки зрения государя, учебные заведения. При этом, в отличие от своих предшественников, Петр I стремился к созданию школы светской и преимущественно профессиональной. Тяжелые войны со Швецией и

⁴ Криличевский В. И. Управление образованием сверхкрупного города. СПб., 2000. С. 35.

Турцией, рост промышленности, революционные перемены в культуре требовали большого числа специалистов, причем подготовить их нужно было очень быстро. Дореволюционный исследователь С. В. Рождественский очень точно писал о петровских временах: «Государство особо нуждается в профессиональном образовании; общее образование с точки зрения государственных интересов отодвинулось на второй план»⁵.

Центром этого нового, светского и профессионального образования стал Петербург. В 1715 году здесь начала действовать Морская академия, которая готовила офицеров для российского флота. В 1719 году в Петербург была переведена из Москвы Военно-инженерная школа. Имелись также Школа словесных наук, где обучали грамоте и счету детей мастеровых и матросов с Адмиралтейской верфи, Артиллерийская школа при Лабораторном доме и другие учебные заведения. Наконец, в самом конце правления Петра I в Петербурге была учреждена Академия наук, при которой имелись университет и гимназия. Последняя, однако, была скорее профессиональной школой для подготовки ученых и педагогов, нежели общеобразовательным учебным заведением в привычном для нас смысле слова.

Разумеется, одной из причин такой концентрации учебных заведений в столице было желание Петра I разместить школы поближе к центру власти, дабы иметь над ними личный контроль. Но была и другая причина. Петербург вообще мыслился императором как своего рода идеальный город, воплощение модели государства в целом. Держава же воспринималась Петром I, среди прочего, как огромная классная комната, в которой подданные были его учениками, причем учениками нерадивыми: «...Наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся потом благодарят...»⁶ Сам Петр I всем своим поведением постоянно демонстрировал готовность учиться и учить. По точному наблюдению Д. С. Лихачева, император вообще умел и любил придавать своим действиям демонстративный характер: «Все перемены облекались в демонстративные формы... Вместо малоподвижного, церемониального недоступного государя всея Руси с его пышными титулованиями и пышным образом

⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 2.

⁶ Цит. по: Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 68.

жизни Петр творил образ царя-труженика, царя — простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя»⁷.

Соответственно и столица этого «небывалого» царя являлась одновременно и мастерской, и военной базой, и школой. Однако источником сил и ресурсов, в том числе ресурсов интеллектуальных, для этого молодого Петербурга служила Москва. Так, созданная в первопрестольной столице еще в 1700 году Навигацкая школа стала подготовительным заведением для Морской академии. Ученики Славяно-греко-латинской академии переводились в Академический университет, а часть ее выпускников стали учителями в петербургских школах.

Интересно, что через 30 лет после кончины Петра I сложилась в известной степени противоположная ситуация. Академический университет к середине XVIII века пришел в полный упадок. Дворяне поступать в него не хотели (среди благородного сословия научная и педагогическая карьеры считались малопrestижными) и отдавали явное предпочтение созданному в Петербурге в 1732 году Шляхетному корпусу, который готовил офицеров. Финансирование также оставляло желать лучшего, и университетские аудитории стояли полупустыми. В 1755 году по указу императрицы Елизаветы I был учрежден новый университет, но не в Петербурге, а в Москве. На размещении университета в «старой» столице настоял инициатор его создания М. В. Ломоносов. Сам он обосновывал свой выбор рационалистическими соображениями о дешевизне жизни в Москве (по сравнению с Петербургом), о близости богатых помещичьих имений и т. д.

Однако сыграл свою роль и другой фактор. Университет в Петербурге подчинялся руководству Академии наук, в то время структуре чрезвычайно бюрократизированной, контролируемой консервативными и враждебными М. В. Ломоносову лицами (И. Д. Шумахер, И. К. Тауберт и др.). Сознательно удаляя университет в Москву, М. В. Ломоносов приобретал большую свободу действий. При этом в новый университет на преподавательскую работу были направлены лучшие педагоги и ученики из Академического университета: Н. Поповский, Ф. Яремский, А. Барсов и др. Таким образом, находившийся в кризисе университет в Петербурге снабжал кадрами молодой университет в Москве, так же как ранее московские школы снабжали

кадрами Морскую академию, Академический университет и иные учебные заведения Петербурга.

Мощный импульс развитию учебных заведений и Петербурга, и Москвы был дан в конце XVIII века, когда императрица Екатерина II, уделявшая делу просвещения большое внимание, предприняла попытку создать в стране широкую сеть общеобразовательных народных училищ. В 1779 году, когда проект о создании собственно училищ еще только замыслился, при Московском университете была открыта Учительская семинария, имевшая целью готовить педагогов. В 1783 году, уже в ходе реализации проекта, при Главном народном училище в Петербурге тоже возникла Учительская семинария. В северной столице начал действовать Смольный институт, положивший начало женскому образованию. Следует также учесть, что и Петербург, и Москва обладали большим количеством частных учебных заведений.

На протяжении всего XVIII столетия в стране не существовало единого центра руководства образованием. Причина этого заключалась в том, что в период становления светской школы при Петре I существовало, как говорилось выше, явное преобладание профессиональных учебных заведений над общеобразовательными. В связи с этим С. В. Рождественский отмечал: «Профессиональные школы призваны были удовлетворить неотложные практические потребности разных ведомств: духовного, военного, морского, горного, медицинского. При этих условиях не могло сложиться и единого учебного управления. Оно было разбито между подлежащими ведомствами»⁸.

Интересно, что предложения создать некий орган управления всеми школами к Петру I поступали. Еще в 1711 году философ и математик В. Лейбниц рекомендовал ему учредить Коллегию народного просвещения, которая руководила бы не только школами, но также типографиями и медицинскими учреждениями. В 1716 году о создании «Ученой коллегии» писал В. Н. Татищев в «Разговоре о пользе наук и училищ». Государь к предложениям, однако, не прислушался.

К концу столетия ситуация изменилась коренным образом. Поэтому в ходе предпринятой Александром I реорганизации государственного аппарата и учреждении министерств было создано, среди прочих, Министерство просвещения, расположившееся в столице. Петербург таким образом превра-

⁷ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 182–183.

⁸ Рождественский С. В. Указ. соч. С. 4.

тился в официальный центр руководства системой образования всей империи. Тогда же страну разделили на учебные округа, возглавляемые особыми чиновниками — попечителями. Среди округов, естественно, были Петербургский и Московский, оба довольно крупные. Петербургский округ включал: Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Архангельскую губернии. Московский — Московскую, Владимирскую, Вологодскую, Калужскую, Костромскую, Смоленскую, Рязанскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую губернии. Попечители Московского и Петербургского округов играли большую роль в общегосударственной системе руководства школой.

В ходе учебной реформы 1804 года на основе Главных народных училищ и в Петербурге, и в Москве были созданы губернские гимназии. В том же году Московский университет получил устав, довольно либеральный по своей направленности. При этом, так же как другие университеты страны, Московский университет должен был не только давать высшее образование своим слушателям, но и направлять учебную работу в учебных заведениях своего округа, подведомственных Министерству просвещения. В Петербурге университета не существовало, так как созданный Петром I Академический университет прекратил свою деятельность еще в 1760-е годы. Однако в 1804 году Петербургская учительская семинария была реорганизована в Педагогический институт, включавший 10 кафедр. Для преподавания был приглашен целый ряд видных ученых, в том числе из-за границы. В начале своего существования Педагогический институт славился вольнолюбивым духом и смелыми новациями в сфере преподавания, которые вызывали раздражение консервативной части общества, что нашло, например, отражение в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». В 1816 году Институт начал именоваться «Главным педагогическим институтом», а в 1819 году был преобразован в университет.

Одновременно Петербург стал настоящим центром военного образования. Военное ведомство, надо заметить, вообще располагало чрезвычайно обширной сетью школ разного уровня — самой масштабной, пожалуй, среди прочих ведомств. В столице к окончанию Отечественной войны 1812 года действовали Первый и Второй кадетские корпуса, Пажеский корпус, Военно-сиротский дом, Дворянский полк, Морской кадетский корпус, Инженерное училище и еще несколько заведений. В Москве в то время военно-учебных

заведений не было вовсе. Правда, в 1815 году полковник Н. Н. Муравьев организовал в Москве на свои средства Училище для колонновожатых (то есть для офицеров квартирмейстерской службы), но уже в 1823 году и это заведение перевели в Петербург.

Следует также учесть, что с 1811 года под Петербургом, в Царском Селе, был создан Лицей, который рассматривался Министерством просвещения как центр подготовки государственной элиты — административной, дипломатической и др. Еще раньше, в 1804 году, на базе Горного училища был учрежден Горный кадетский корпус, готовивший специалистов для горнорудной промышленности. В 1810 году в столице начал действовать Институт корпуса инженеров путей сообщения. Некоторое время, таким образом, Петербург, не имея университета, явно обгонял Москву как центр подготовки военных, специалистов для многих отраслей государственной промышленности и педагогов для государственной школы.

Обилие учебных заведений, связанных с последующей государственной службой, вполне органично сочеталось с присутствием в Петербурге самих высших органов власти. Не удивительно, что столица представлялась современникам городом для карьеры — сюда устремлялась дворянская молодежь и учиться, и служить. В Москве по контрасту видели город «отдохновения», город, в котором хорошо было жить после отставки. Речь идет, конечно, в первую очередь об устойчивых стереотипах, реальная жизнь являлась более многогранной.

Думается, что абсолютно прав С. Б. Смирнов, который даже более или менее благополучное существование Московского университета объясняет некой удаленностью от места, где делаются блестящие карьеры. Реконструируя образ мысли дворян рубежа XVIII–XIX веков, он пишет: «...родители-дворяне еще могли смириться с тем, что за такой безделицей, как наука, их недоросли отправлялись в Москву, где они будут под присмотром родственников и откуда недалеко до родового поместья, но в далекий и чужой Петербург следовало ехать только ради придворной, военной или чиновничьей карьеры»⁹.

Парадокс ситуации, однако, заключался в том, что, являясь центром бюрократической машины, Петербург одновременно превратился и в город свободомыслия. Идеолог русского консерватизма С. Уваров как-то не

⁹ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 26.

без оснований заметил, что образование, которое не порождает вольнодумства, это — огонь, который не жжется, — дело совсем невозможное. Уже сама высокая концентрация образованной дворянской молодежи в Петербурге способствовала «брожению умов». Это, кстати, прекрасно почувствовал Николай I при анализе причин дерзкого мятежа декабристов. В своем манифесте от 13 июля 1826 года император утверждал: «Праздности ума, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей <...> сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель»¹⁰.

На страну обрушились настоящие идеологические репрессии, причем особенно жесткому давлению подверглась столица. «Петербург, пугающий тенями убитых императоров и повешенных декабристов, — писал С. Б. Смирнов, — стал для царя слишком опасно европейским»¹¹. К этому следует добавить и «слишком опасно просвещенным». Активным проводником нового правительственного курса стал С. Уваров, творец формулы «самодержавие, православие, народность», который в 1833–1849 годах был министром народного просвещения. Жесточайшему разгрому подвергся Петербургский университет, из которого изгнали лучших профессоров. В результате он, по дипломатическому определению П. Плетнева, «надолго ослабел, утратив постепенность своего совершенствования...»¹²

Консерватизм был обильно подкрашен патриотическими (а точнее — шовинистическими) тонами. Профессор Петербургского университета А. Никитенко писал в своем дневнике: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет одним православием, без науки и искусства. <...> Видно по всему, что дело Петра Великого имеет и теперь врагов, не менее, чем во времена раскольничьих и стрелецких бунтов. Только прежде они не смели выползти из своих темных нор, куда загнало их правительство, поощрявшее просвещение. Теперь

же все подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышав, что просвещение застывает, цепенеет...»¹³

Нельзя не заметить, что подобное описание вполне применимо, увы, и ко многим российским «патриотам» начала XXI века. Никитенко также весьма резко оценивал конкретные перемены в столичной школе, ужесточение дисциплины в военно-учебных заведениях и упрощение программ в женских институтах. «Итак, в результате выходит, — возмущался он, — что русское дворянство растит своих сыновей для розог, а дочерей для придворного разврата»¹⁴.

Многие консервативные публицисты николаевских времен, обращаясь к «национальным ценностям», восхваляли Москву в противовес «космополитичному» Петербургу. Конечно, московское общество и московские учебные заведения также подвергались давлению со стороны правительства, но в сравнении с Петербургом — меньшему. Во многом в силу этого в Москве которую Николай I считал более монархической, более «благонадежной», зарождались среди учащейся молодежи новые либеральные и даже революционные течения. В московские учебные заведения стягивались прогрессивные и передовые педагоги. Попечителем Московского учебного округа в 1835–1840 годах был граф С. Г. Строганов, человек умеренно либеральных взглядов. Отчасти в силу этого настоящим центром либеральных идей стал Московский университет. Некогда «передовой» Петербург и «отсталая», «архаичная» Москва обменивались культурными ролями.

Однако данный «размен» не был, конечно, абсолютным, как не был и окончательным. Во второй половине XIX века России было суждено пережить новые чрезвычайно крупные реформы и относительно консервативный период, который именуется также временем контрреформ. Все эти преобразования нашли выражение в истории московской и петербургской школы. В ходе своего развития они по-прежнему взаимно обогащались идеями, подпитывались кадрами, но также периодически имели репутацию центров официальной идеологии или либерализма.

¹⁰ Цит. по: 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург — военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны. СПб., 2003. С. 394.

¹¹ Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 41.

¹² Цит. по: Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб., 2006. С. 138.

¹³ Цит. по: Каган М. С. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Там же. С. 140.